

Глава 2

От этого выкрика Шэнь Цинхэ все замерли.

— О? — Сяо Юаньчжэн сделал знак рукой, и слуга тут же забрал у него полотенце. — Ты?..

Стоявший позади него главный евнух Цзиньчан немедленно доложил:

— Это второй молодой господин из семьи вице-министра ритуалов, Шэнь Цинхэ.

— «Реки чисты, моря спокойны, времена гармоничны, урожай обилён»¹, — усмехнулся Сяо Юаньчжэн. — Шэнь Чжао умеет давать имена.

> ¹ Имя «Цинхэ» (清和) состоит из иероглифов «чистый» и «гармония», которые являются частью идиомы, описывающей мир и процветание.

Голос императора был приятен, с оттенком благородной сдержанности.

— Шэнь Цинхэ, в чём же ты невиновен?

[Система: Носитель, тысячи лет канонических текстов готовы к использованию.]

«Отойди, — мысленно ответил Шэнь Цинхэ, — не мешай мне импровизировать».

[Система: ...]

Собравшись с духом, Шэнь Цинхэ твёрдо и отчётливо произнёс:

— Докладываю Вашему Величеству, я никогда не прибегал к мошенничеству, однако был брошен в Небесную темницу. В этом и заключается моя невиновность!

Услышав это, остальные затрепетали от ужаса.

Они готовы были броситься и зажать ему рот! Думали, у него есть какой-то хитроумный план, а он, оказывается, решил умереть с упрямством осла! Но если он хочет погибнуть один, пусть так, зачем же он тянет за собой остальных?

Те, кто стоял на коленях рядом с Шэнь Цинхэ, тут же поспешили отползти подальше, желая оказаться как можно дальше от этого безумца, осмелившегося обманывать государя!

Цзиньчан с удивлением посмотрел на юношу. «Вот уж действительно, телёнок тигра не боится», — подумал он, искоса наблюдая за реакцией императора. К его изумлению, скука на лице Чжаохуаня сменилась интересом.

— Ты знаешь, какое наказание ждёт за обман императора? — спросил он ровным тоном.

— Если Ваше Величество желает моей смерти, то позвольте мне хотя бы умереть, зная свою вину! — Шэнь Цинхэ стоял в своей простой белой одежде, прямой, как молодой бамбук, и в его словах звучала несгибаемая гордость учёного мужа.

— Хорошо. Я дам тебе умереть, зная свою вину, — тон Сяо Юаньчжэна оставался спокойным, но Цзиньчан понял: дело плохо. «Этому юнцу не поздоровится», — подумал он. Прослужив при императоре более десяти лет, он знал, что такое спокойствие означает крайнюю степень гнева, и тут же подал знак младшему евнуху нести чай.

Дворцовый слуга вынес несколько свитков и аккуратно разложил их перед Шэнь Цинхэ. Его товарищи по несчастью отползли так далеко, что перед ним образовалось большое пустое пространство.

На тонкой бумаге плотными рядами были выведены иероглифы. Шэнь Цинхэ пробежал их глазами и едва не рассмеялся. Это был самый примитивный вид плагиата — перестановка фраз. Даже самый глупый студент знает, что нужно хотя бы изменить пару слов, пропустить несколько предложений. Он бросил взгляд на сбившихся в кучу «перепёлок» — эти ребята явно не имели ни малейшего представления о своих способностях. Получив готовый ответ, они списали его подчистую!

Цзиньчан, видя, что Его Величество отпил чай, откашлялся и обратился к юноше:

— Господин Шэнь, перед вами экзаменационные работы — ваша и остальных кандидатов. Вы утверждаете, что не мошенничали, так почему же в них так много сходства?

Он выразился деликатно. На деле же эти сочинения были лишь вариациями одного и того же текста с переставленными фразами.

— Экзамен по политике требует ответа на вопрос о «пути управления государством», — ответил Шэнь Цинхэ. — Я отвечал от чистого сердца. Ныне в Поднебесной главенствует «Чистое учение» клана Юэ. «Пренебречь ритуалом во имя естественности», «выдвигать достойных по родству и назначать мудрых по положению» — всему этому меня с малых лет учили наставники и книги. Я не смел отступить от канона ни на йоту.

Он бросил несколько выразительных взглядов на ошеломлённых товарищей, и те, наконец, опомнились и подползли обратно.

— Различие между благородными и простолюдинами... воистину предначертано Небесами. Этому и меня учили с детства.

Видя, что всё больше людей присоединяются к нему, Шэнь Цинхэ вошёл в раж и даже сумел выдавить из себя пару слёз.

— Я невежественен и не понимаю, почему изложение канонических истин на экзамене считается мошенничеством.

Цзиньчан ахнул. Какая дерзость!

В тот момент, когда брови Сяо Юаньчжэна слегка нахмурились, Шэнь Цинхэ сделал глубокий вдох и продолжил на одном дыхании:

— Но, проведя три дня в темнице в размышлениях, я прозрел! Я осознал, насколько узки и ограничены были мои прежние взгляды. Нельзя одним учением управлять сотней школ и одним словом объять весь мир! «Откуда в заводи такая чистота? Всё потому, что бьёт в неё источник ключевой воды». Я глубоко заблуждался, и неудивительно, что навлёк на себя гнев Вашего Величества! Я прошу лишить меня должности младшего писателя-составителя, дабы я мог искупить свою вину в уединении!

Сяо Юаньчжэн замер.

— Хоть я и не обладаю великими талантами и не гожусь для высоких постов, я с детства изучал книги, чтобы постичь истину и отличать добро от зла. Всё, что я сказал сейчас, идёт от самого

сердца. Я не смел бы обманывать Ваше Величество! Прошу о справедливом суде! — голос Шэнь Цинхэ дрогнул, и он распростёрся на полу в глубоком поклоне.

Остальные кандидаты застыли с отвисшими челюстями. Самые сообразительные тут же последовали его примеру и тоже поклонились.

Сяо Юаньчжэн опустил взгляд, его глаза скользнули по фигуре Шэнь Цинхэ. Белый халат висел на нём, как на вешалке, но спина оставалась несгибаемой. Теперь он лежал ниц, и каждое его слово звучало как крик души, способный тронуть любого.

Сам же Шэнь Цинхэ, уткнувшись лбом в пол, морщился от боли. Слишком уж он вошёл в роль и ударился со всей силы. Наверняка уже красуется шишка.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Когда Шэнь Цинхэ уже начал нервничать, чьи-то руки мягко подняли его. Он застыл, увидев сначала край императорского одеяния, расшитого золотыми нитями в виде солнца и луны, а затем — пояс из нефрита и золота.

Сяо Юаньчжэн встретился с его покрасневшими глазами и на мгновение замер, а потом лёгким движением стёр слезинку, дрожавшую на его ресницах. Второй молодой господин Шэнь выглядел совсем юным, почти мальчиком. Три дня в Небесной темнице, должно быть, сильно его напугали, но он всё же нашёл в себе смелость спорить с ним лицом к лицу во Дворце Гармоничного правления. В нём было больше отваги, чем у некоторых министров.

— Ваше Величество, я невиновен... — Император Чжаохуань был очень высок, и Шэнь Цинхэ, стоя на коленях, был вынужден запрокинуть голову, чтобы правитель, который, к его удивлению, выглядел не старше двадцати семи или двадцати восьми лет, мог видеть его слёзы и обиду.

— Я никогда не причиню вреда невинному, — мягко произнёс Чжаохуань. Он похлопал Шэнь Цинхэ по плечу. — К тому же, в словах господина Шэнь есть резон. До меня доходили слухи о твоём незаурядном таланте, да и отец твой, Шэнь Чжао, — преданный слуга престола. Не плачь, я верю тебе.

Теперь, вблизи, голос императора звучал не так отстранённо, как с высоты трона, — глубокий и звучный. Но от этих слов Шэнь Цинхэ покрылся холодным потом.

«Какой ещё незаурядный талант? Какой преданный слуга? Да он же... издевается! Нет, он меня предостерегает!»

— Я... я потерял лицо перед Вашим Величеством, — Шэнь Цинхэ снова попытался поклониться, но молодой монарх удержал его.

Чжаохуань выпрямился и подозвал своего главного евнуха. Цзиньчан тут же шагнул вперёд.

— Молодые учёные напуганы. Проводи их из дворца и в качестве утешения даруй каждому по жемчужине.

— Господин Шэнь.

Шэнь Цинхэ, внезапно услышав своё имя, вздрогнул и тут же пришёл в себя.

— Сегодня ты оказал великую услугу, — Чжаохуань взял его за руку. Ладонь императора была большой и сильной, не оставляя ни малейшего шанса вырваться. В следующее мгновение ещё

тёплое от его тела нефритовое кольцо лучника уже красовалось на большом пальце второго молодого господина Шэнь.

— Это — особая награда для тебя.

Выйдя из Дворца Гармоничного правления, кандидаты шли, едва передвигая ноги. Только ослепительный солнечный свет заставил их осознать, что рубашки промокли от пота, а головы всё ещё на плечах.

Что только что произошло? Как им удалось избежать наказания?

Когда повозки выехали за ворота дворца и они оказались на свободе, все бросились благодарить Шэнь Цинхэ. Их благодарность была настолько искренней, что они едва сдерживали слёзы.

[Система, наблюдавшая за всем этим: ...]

По дороге Шэнь Цинхэ остановил повозку, запряжённую ослом, и велел вознице ехать к резиденции вице-министра.

Не проехав и нескольких шагов, повозка резко дёрнулась. Возница принялся извиняться — Шэнь Цинхэ чуть не слетел с сиденья. Выглянув из-за занавески, он увидел, что дорогу преградила длинная очередь. Приглядевшись, он понял, что это были учёные-книжники в простых одеждах, поношенных шляпах, верхом на тощих ослах. Они заполнили собой половину улицы.

— Что они здесь делают? — спросил Шэнь Цинхэ у возницы.

— А, это учёные, — буднично ответил тот. — В основном те, кто провалил экзамены. Стоят в очереди, чтобы показать свои сочинения знатым господам. Если кому-то повезёт, то жизнь удалась. Это ещё что! Я видел, как один книжник бросился прямо под колёса повозки вельможи, не боясь быть раздавленным. А нам, простым трудягам, из-за них каждый раз приходится делать крюк, чтобы проехать по улице Лоцзинь.

Шэнь Цинхэ опустил занавеску и задумчиво кивнул.

Он откинулся на сиденье и лениво обратился к Системе:

— Наверное, не поняла, почему император меня отпустил?

Наверное, единственными, кто поверил в его «идущую от сердца» речь, были те семеро бедолаг.

Шэнь Цинхэ истолковал молчание Системы по-своему и, подбрасывая на ладони большое кольцо, спросил:

— Знаешь, какой первый шаг в решении любой задачи?

[Система: ...Прочитать условие?]

— Неверно! Написать «Решение».

[Система: ...]

— Шучу! — Шэнь Цинхэ рассмеялся. — Первый шаг — это, конечно же, понять, чего от тебя хочет экзаменатор. Сразу видно, что у тебя не было девяти лет обязательного образования!

— Сегодняшняя аудиенция — это экзамен, — продолжил он. — Император — экзаменатор, а я — экзаменуемый. Если ты не понимаешь, о чём тебя спрашивают, какой смысл заполнять весь лист ответов?

[Система: ...Чувствую себя оскорблённой.]

— Все проблемы, все трудности в этом мире — это своего рода экзамены. Если ты просто следуешь правилам, то максимум, на что можешь рассчитывать, — это сто баллов.

Данные Системы на мгновение пришли в смятение.

[Не понимаю. Максимум — сто баллов? Разве можно получить больше?]

— Конечно, — серьёзно кивнул Шэнь Цинхэ. — Как, по-твоему, я из провинциального умника превратился в гуру успеха? Когда начальник берёт палочками еду, ты крутишь стол. Когда начальник открывает дверь, ты садишься в машину. Система, тебе стоит иногда тренировать смекалку. Эй, ты что молчишь? Обиделась, что ли?

Ослиная повозка была ужасно неустойчивой. Шэнь Цинхэ подпрыгивал на каждой кочке, и его смех был прерывистым.

— Ладно, не буду тебя дразнить. Посмотри на тему экзамена — «путь управления государством». Это же огромная тема, о ней можно написать целую книгу, что уж говорить о маленьком листочке бумаги.

Шэнь Цинхэ постучал себя по лбу.

— Судя по моим воспоминаниям, «Чистое учение» клана Юэ — доминирующая философская школа в этой стране. Те семеро, что были со мной, тоже подтвердили, что его преподают с малых лет. А теперь посмотри на улицу: первый шаг к успеху — это подать прошение в дом знатного аристократа. Власть имущие контролируют образование и карьерный рост. Среди знати нет бедняков, а среди простолюдинов нет влиятельных семей. Вот истинная причина, почему император так озабочен экзаменами.

Разве можно спать спокойно, когда у тебя под боком кто-то храпит? Будь он императором, он бы тоже этого не стерпел!

Императорский подарок, да ещё и такой личный, как кольцо лучника, любой другой хранил бы как зеницу ока и передавал по наследству. Шэнь Цинхэ же небрежно вертел его в руке, подражая медленной и веской интонации Чжаохуаня:

— Я думаю, он хотел сказать: «Ты вручил мне нож, которым я смогу нанести удар по аристократии, и в обмен я дарю тебе жизнь».

— Если ты глупец, то возмёшь награду и уйдёшь.

— Но если ты умён...

В глазах Шэнь Цинхэ сверкнул острый огонёк.

— ...то будешь держать язык за зубами.

<http://bllate.org/book/13438/1196496>